

Н. ВОРОНОВ

ЧЕРНОМОРСКИЕ ПИСЬМА

Екатеринодар, 1-го декабря 1856 года.

Извилисто-текущая Кубань, не доходя до Екатеринодара, делает поворот к югу, потом поворачивает опять к северу, и образует полуостров, на котором и расположен этот город. Южная оконечность его занята старою земляною крепостью; поросший травой вал окружает квадратное пространство, посреди которого находится такая же площадь. Пятиглавая старинная церковь, построенная еще при Екатерине, деревянная и почерневшая от времени, сумрачно возвышается посреди низких домов, правильно расположенных по бокам крепостной площади. Каждый из этих домов прежде назначался для канцелярий отдельных запорожских куреней; теперь же они обращены под другие войсковые надобности. В крепость ведут мостики с пестрыми шлагбаумами; на южной стороне вала кое-где стоят пушки и смотрят в закубанскую сторону: там раскидываются привольные луга, синеющие степи; еще дальше — длинною грядою тянутся горы, покрытые лесами; к юго-востоку они значительно возвышаются, и кажут оттуда едва заметные снежные свои вершины.

От крепости к северу, за обширную площадью, или правильнее — пустырем, раскинулся собственно город. Длинная улица, на протяжении трех верст, с конца в конец пересекает его на две части; к ней справа и слева примыкают переулки, пересекаемые опять продольными улицами, так что весь город дробится на множество квадратных кварталов. Главная улица называется Красною, хотя, собственно говоря, на ней нет ничего красного; такое название она получила, вероятно, от расположенных на ней красных рядов. Городские постройки не выходят за пределы небольших одноэтажных домов; лучшие из них похожи на те встречающиеся в больших городах уютно-опрятные домики, которые, закрываясь громадными зданиями по бокам, своими прозрачными стеклами и горшками герани или жасмина на окнах, глядят с приветливостью тихой семейной жизни или счастливою улыбкой истинной идиллии. Но подобных домиков здесь очень немного. Отсутствие леса делает необходимым строить их из турлука, крыть камышом или соломой. Поэтому, в общей сложности, постройки Екатеринодара напоминают незначительные русские уездные города и людные, но не фабричные села. [72]

Невозможность добывать камень где-нибудь поблизости к городу служит причиною, что в Екатеринодаре не вымощена ни одна улица. Для городских обитателей это составляет истинное бедствие. Часто осенью, зимою и в раннюю весну пути сообщения прекращаются даже между ближайшими домами. Баснословная грязь заливает улицы и переулки, а на просторной южной площади образуются озера, на которые прилетают дикие птицы. Чтобы перейти через улицу, нужно сперва обогнуть целый квартал, при чем не всегда можно и тут держаться прямого пути; дворы и сады на это время делаются общим достоянием; проламывается частокол, и пешеход, хорошо наперед разузнавшей местность, странствуя из двора в сад, из сада во двор, из двора на улицу, и так далее — наконец изнеможенный достигает своей цели. Езда в экипажах во многих местах решительно невозможна; извозчиков не имеется; любые калоши оказываются несостоятельными.... Понятно, как действует подобная грязь на общежитие, которое здесь и без того в жалком состоянии; понятно, как она затрудняет доставку продовольствия и часто оставляет жителей без обиходных принадлежностей хозяйства. Но вообразите юношу, который, после светлых студенческих годов, с горячими стремлениями спешит на службу в Черноморье. О Екатеринодаре он знает только по карте, где поставлен, как нарочно, заманчивый значительный кружок; город, каким он есть в действительности, ему

совершенно неизвестен, и в него-то он везжает именно во время распутицы. Ямщик кое-как втянул почтовую телегу в одну из тонких улиц; жидкая грязь покрывает спицы колес; серое небо каплет мельчайшим дождем; измученные кони наконец стали. Хладнокровный ямщик объявляет пассажиру, что ехать дальше невозможно, что нужно где-нибудь сложить чемоданы и дорожную поклажу, что стоять ему на улице не приходится, что станционный смотритель взыщет за просрочку и т. д. Бедный юноша теряет: в его блестящие предположения не входила здешняя блестящая грязь...

Грустно смотреть на развалины, от которых веет духом разрушительного времени; грустнее бывает при виде пожарища, или места, опустошенного наводнением, разоренного неприятелем; но, Боже мой! как грустно глядеть на развалины и всякого рода опустошения, в которых виновата единственно лень, беспечность человека! Тут нет места примирению. Окружающая тебя ветошь вопиет громко о том, что ветошь также и те люди, которые шевелятся между нею, что хлам сносится к хламу, что посреди его и новый, свежий кусок скоро заражается гнилью. С такими печальными заключениями часто приходится бродить по улицам Екатеринодара при виде разрушающегося частокола и плетней, около которых не ходит заботливая рука хозяина. Во многих местах со двора во [73] двор, из сада в сад можно свободно шагать, не встречая никакой помехи; следы давно-растасканной огорожи еще существуют: стало быть огорожа когда-то была, — и этого уже довольно для спокойствия хозяина. «Новую поставить — и новую растащут: так стоит ли об этом хлопотать», думает он в своем бездействии. А тут заодно с огорожей ветшает крыша на доме, да и самый дом успел уже пошатнуться. «Не устоишь против людей. так устоит ли против времени?» — утешает себя тот же хозяин. — Нет, видно малороссиянин — плохой колонист, и не легко подчиняет себе новую обстановку; скоро забывает он предания родины, скоро оставляет обычаи своей опрятной малороссийской хаты; не несет он, как родич его, москаль, на чужую сторону своего искусного топора, чтоб срубить им крепкую родимую избу, не запасается на дорогу крепкой волею, чтоб с нею выдержать напор местных случайностей и в чужедальной стороне закрепить родимый обычай. Да, не забывши потащить с собою в путь и пресловутую лень, видно скоро теряет он из памяти образ домовитой малороссянки: иначе, на чужбине, не сорил бы он у себя под носом, не глядел бы на все свесив голову и опустивши руки, приговаривая: «а, кому яке дило? це добро мое, не чуже!» Иначе не выкидывал бы он всю зловонную дрянь у своих ворот, под ноги прохожим, не пачкал бы где ему вздумается, оправдываясь и тут прехладнокровно: «це мисто общественне!» На всем этом видна печать той апатии, которая завладевает человеком, когда он запутался в своих обстоятельствах, потерял концы своего дела, и не зная куда ступить, что начать, — остановился на чем попало, да и ждет развязки извне. — Но, может-быть, существуют другие причины такого безотрадного положения колониста, например бедность, бедность в массе населения со всеми ее возмутительными последствиями? Так, следы ее очень заметны; но все же нельзя признать ее за начало зла. Она имеет свои гнезда, и не кладет отпечатка на весь состав населения; она движется, имеет какие бы то ни было исходы, так или иначе изворачивается, по пословице:

голь на выдумки хитра. При всем своем гнете, она не в состоянии подавить в человеке стремлений к труду, порывов к лучшему, если только будет встречать отпор со стороны его нравственных сил.... Но к этому вопросу мы будем иметь случай еще не раз возвращаться.

Улицы города редко оживляются людностью, движением экипажей. В летние знойные дни стоит пыль над городским местом, словно над людным торжищем; но ее взбивает скот, во множестве приходящий вечером с полей. Он же в осень и в зиму шатается по улицам, отыскивая для себя где-нибудь пищу. Здешние хозяева стараются держать

рогатый скот в течение целого года [74] на подножном корму, и молят Бога, чтоб Он не посылал глубоких снегов, а в особенности крепких морозов. Оттого в холодную пору, на улицах и переулках Екатеринодара то лежат, то уныло стоят голодные быки и коровы; иногда решаются они заглядывать, по дворам: и там захватывать, по здешнему выражению, сена клок, или вилы в бок. Последнее случается часто; но пуце всего преследует их собачий лай, и нужно быть флегмами-быками, чтоб на неистовство его не обращать ровно никакого внимания. В темные ночи (в городе нет ночного освещения) пешеход того и гляди, что наткнется на рога скотины, и ночевать ей можно только на улицах. Таков ли должен быть уход за нею там, где скотоводство составляет главный источник богатства края?

Но особенно пустынно бывают улицы Екатеринодара в полуденную пору, когда почти все население города предается отдыху и сну. Закрываются ставни окон; запираются двери; повсюду наступает тишина, смущаемая только собачьим, тоже сонным лаем. Куда бы вы ни постучались — везде один ответ: спят. Для новичка такой порядок сначала кажется довольно странным; но мало-по-малу и он привыкает дышать тем же воздухом, который в полдень гонит здесь всех на покой. И силу этого снотворного воздуха почувствует он тяжелее всего в удушливые летние дни....

Н. Воронов.

Текст воспроизведен по изданию: Черноморские письма // Русский вестник, № 1. 1857

© текст - Воронов Н. 1857

© сетевая версия - Thietmar. 2007

© OCR - Дудов М. 2007

© дизайн - Войтехович А. 2001

© Русский вестник. 1857

ВОРОНОВ Н.

ЧЕРНОМОРСКИЕ ПИСЬМА

(См. "Русский Вестник", 1857, № 1)

II.

Находясь под $45^{\circ} 3'$ с. ш., Екатеринодар мог бы наслаждаться благоухающим воздухом Ломбардии и Южной Франции, но $56^{\circ} 35 \frac{1}{2}'$ в. д. и другие особенности его географического положения значительно действуют не в пользу его климата. Правда, знойность здешнего лета напоминает юг; прекрасная осень длится иногда до [88] половины ноября, да и зимы часто обходятся без снегов и сильных морозов. За то в иные годы ранняя осень, чувствительные стужи и поздняя весна ясно говорят о влиянии на здешний край суровой северо-восточной равнины. Степи открывают Черноморье для холодных ветров, а горы Кавказа закрывают его со стороны юга. К тому же близость Азовского и Черного морей содействует непостоянству и быстрым переходам здешней погоды от холода к теплу и обратно. После морозов вдруг иногда наступают теплые весенние дни, лишь только повеет с моря, а вслед затем степной ветер опять наносит холод и снега; после палящих дней лета иногда льются продолжительные дожди, при западных ветрах, и наступает значительная прохлада, а потом восточный ветер опять приносит знойную сушу; иногда в феврале уже начинают зеленеть сады, иногда зелень показывается только в начале апреля.

Между тем для жителей Екатеринодара куда как не сподручен русский холод! Турлучные постройки могли бы служить защитой от сырости и студеного ветра, если б хозяева заботились ставить их по образцу северных построек, где берутся все предосторожности против хорошо знакомой стужи. Здесь, напротив, система постройки домов южная: не заботятся о двойных рамах на окна, о прочных фундаментах, о плотности дверей; ветру дают место пробираться в щели стен и окон, а дождю просачиваться сквозь крыши и потолки. От этого, хотя и на юге, не становится теплее и удобнее, и, сидя в комнате, принужден иногда распускать зонтик и надевать калоши. Тем более не мешало бы здешним жителям позаботиться об удобствах жилья, что турлучные дома, будучи построены по-хозяйски, а не на скорую руку, — при своей дешевизне отличаются необыкновенною прочностью, а следовательно не часто требуют ремонта и могут переходить из рода в род.

Холода становятся здесь еще чувствительнее по недостатку в топливе. Прежде, до последней войны, лес доставлялся из-за Кубани; с 1846 года Высочайше было утверждено положение о меновой торговле с горцами на Кавказской линии; за соль и лавочные товары закубанские племена доставляли нам строевой лес и топливо, вследствие чего в ведомстве Черноморской кордонной линии учреждено было пять меновых дворов. Война прекратила эти торговые сделки; горские аулы, поселенные на левом берегу Кубани, ушли в горы, и дрова, прежде не превышавшие в цене 12 руб. за сажень, теперь для большинства екатеринодарцев сделались недоступными по своей дороговизне. Но благодетельная природа и здесь подала помощь человеку. Среди безлесных степей растет в изобилии терновник, и сила растительности этого приземистого, курчавого кустарника превозмогает все порубки его в огромных размерах. К нему-то преимущественно прибегают екатеринодарцы для отопления [89] своих жилых покоев. Да позволено будет сделать здесь небольшое отступление. Говорить о разумности явлений природы перешло в общее место; однако не мешает постоянно иметь эту разумность в виду, и не упускать случая подтвердить мысль об ней замечательными фактами. Казалось бы, можно

пожалеть, что значительная часть плодородной земли отходит под цепкий кустарник, почти неистребимый и повидимому бесполезный. Но мы видели, какую услугу оказывает он здешним жителям за отсутствием дровяного леса. Этого мало: тот самый колючий кустарник служит прекрасно защитой от горцев. Невысокий плетень, сделанный из него так, чтоб все тонкие ветви и иглы его выходили на внешнюю сторону, в состоянии удержать нападение хищников и обращается в неприступную для них крепость. Где именно, как не здесь, полезны такие дешевые укрепления, и где, как не здесь, грозен такого рода неискусный и легко отражаемый неприятель? Но возвращаюсь к прежнему. Любопытно видеть, как производится топка этим материалом. Задумавши топить, вваливают кучу терновника, так что полкомнаты занимается им от верху до низу, при чем, разумеется, комнатная температура значительно понижается. Разведши потом огонь в печке с помощью сена или бурьяна, начинают втаскивать туда по ветке неуклюжее растение, пока наконец не истощится вся вваленная куча: труд, обходящийся не без боли! Вслед за этим в печке начинается оглушительная трескотня, потому что на огне терновник шипит, свистит, трещит, быстро сгорая; пламя от него сильно жгучее; уголья, правда, остается мало, но печь быстро нагревается и не скоро остывает. Нужно согласиться, что это один из самых громоздких материалов для топлива; но что же делать в безлесных степях? Топить сеном или бурьяном, — еще хуже; навозный кирпич также имеет свои неудобства и составляет пока еще новинку для екатеринодарцев; торф, вероятно, в значительном количестве находится в прикубанских болотах, но о разработке его еще и не помышляют. А между тем в топливе, и при настоящих условиях екатеринодарской жизни, уже оказываются значительные затруднения. Зажиточные горожане, имеющие быков, могут запастись терновником заблаговременно, летом или осенью; прочие скупают его на базарах, платя от 50 коп. до 1 руб. за воз. Но, с наступлением грязи, доставка такого громоздкого топлива становится слишком затруднительна. Незначительное по цене в начале осени, к зиме оно делается очень дорогим товаром, так что некоторые жители вынуждены бывают рубить собственные сады.

Но вот, после дождливой зимы, быстро налетает весна, и сумрачный Екатеринодар превращается в привлекательный оаз, который улыбается путнику, утомленному однообразием окрестных [90] степей. Чуть пригрело солнце, и повеял южный ветер с гор, как живо начинают испаряться лужи; улицы сохнут; зеленая травка спешит показаться из трещин затвердевшей грязи. Обширная городская площадь покрывается муравчатым ковром; некрасивые постройки прячутся за ветки дерев; сады, растущие при каждом доме, заливают зеленью весь город. Особенно роскошна здешняя белая акация; она полюбила екатеринодарскую почву и растет стройными большими деревьями, в изобилии, наполняя воздух прекрасным запахом своих белых цветков. Кроме акации и тополя, сады состоят еще из плодовых растений: персиковых и абрикосовых дерев, яблони, груши, айвы, алычи, вишни. Местами разводят виноград, но в небольшом количестве, не имея в виду виноделия. Наконец местами, в садах и даже посреди улиц, еще уцелело несколько громадных дубов, остатков того дремучего леса, который некогда покрывал правый берег Кубани. Это, по истине «патриархи» растительного царства, гиганты в сравнении с окружающими их деревцами; простор дал волю сучьям их развеситься на широкий обхват, так что под ними может приютиться не одна хижина. Вообще растительность екатеринодарской почвы роскошна; но жаль, что жители не пользуются ею как следует, не занимаются правильным садоводством. Существует всего один, сколько-нибудь благоустроенный сад, который называется «войсковым», да и тот находится еще в младенчестве. Перебирая разнообразную его растительность, свойственную южной почве, ясно видишь, как здесь много дает природа, и как мало ценит ее дары человек. Но все же, и при настоящем положении екатеринодарского садоводства, роскошная зелень составляет лучшее украшение города. Любо глядеть, когда непригожие его постройки завесятся зеленью и цветками акации, а по улицам польются струи благоуханий. Гуляя

бы, без устали, но... настает новая беда. Беспощадные комары решительно портят все лучшие впечатления прогулок. Кубань и болота, которые сопутствуют ее течению, порождают их несметное множество. От них и в домах житья нет. Мало в этом случае помогают те сетки, которыми здесь закрываются окна: комар отыщет щелку, влетит в дверь. Притом же летние знойные дни производят духоту в комнатах; их надобно освежать на ночь; сидеть с запертыми дверьми и окнами невозможно; а впуская свежую струю воздуха, никак не уберешься от множества незваных комаров. С летним зноем здесь соединены еще лихорадки, неотвязчивые, изнурительные. Причина их также Кубань с своими гниющими болотами и камышами. После главного разлива реки, который происходит в начале лета от таянья снегов в горах, на низких берегах остаются лужи и озера, называемые здесь лиманами, которым предстоит испаряться от жаров и заражать воздух. От этого, в июле и августе по крайней мере треть городского населения переболеет лихорадкою; не бывает почти ни одного дома, где бы не томился больной; на улицах встречаешь желтые, исхудалые лица... Но привычка и здесь берет свое: многие не обращают внимания на свою болезнь, едят и пьют, что попало; иной выздоравливает от дынь, другой от соленой рыбы, тот от квасу или водки. Не помогает хина — принимаются за ту пищу, которой особенно требует желудок, которой преимущественно хочется больному. Та лихорадка самая злая, говорят екатеринодарцы, которая ничего не хочет, то есть отнимает у больного позыв поесть чего-нибудь через меру. За такой доморощенный метод лечения многие платятся тем, что лихорадка треплет их по полугоду, по году, и больше. Всякаго рода суеверных лечений между простым народом здесь можно собрать довольно; но особенно странен способ закидыванья лихорадки. Для этого обрезают ногти, выстригают на голове волосы на-крест, завязывают все это в узелок с прибавлением какой-нибудь медной монеты, и бросают на улицу; бросившей должен спешить домой, не оглядываясь; кто поднимет узелок, тот, по верованию толпы, снимает с больного лихорадку и берет ее на себя. К зиме число больных уменьшается; но и в эту пору трудно уберечься. Вот, например, после сумрачных дней отрадно пригрело солнышко: как же устоять малороссу, чтобы не понежиться на тепле, не погреть брюха и спины? — а это между прочим легчайшее средство схватить лихорадку.

IV

Екатеринодар, 30 января 1857 г.

До начала последней войны закубанская сторона была более доступна для наблюдений. Теперь нужно принадлежать разве к отрядам, которые по временам ходят разорять аулы, нужно участвовать в этих опасных экспедициях, чтобы поглядеть на Закубанье, на аулы и даже на самых горцев. Но под свистом пуль непривлекательно знакомство с новой местностью, и едва ли оно заманит туриста. При всей своей пытливости он должен ограничиться рассматриванием болотистого левого берега Кубани; издали может любоваться пространною равниною, идущею к горам, по которой то едва приметны верхушки лесов, то стелются туманы, то белеют дымные пятна; может следить за извилинами далекого горного хребта, который порою приблизится, чернея, порою окутается облаками, или же нежно синет, сливаясь с цветом ясного неба. Иногда и вы услышите ружейную перепалку и раскаты пушечных [92] выстрелов, которые несутся из-за Кубани: значит какой-нибудь отряд наш в деле, то-есть берет аул, сжигает его, и палит картечью в кусты леса, за которыми залегли горцы. Иногда, ночью, поразит вас оригинальное великолепие горящих за Кубанью лесов, камышей и степной травы: на нашей стороне — темень, а там по пригоркам и ложбинам вьются огненные струйки, ворочаются огромные красные языки, местами всходит блистательное пламя и перед ним черным столбом валит дым, а мутная Кубань на то время блестит как чистая сталь, отражая в себе багровый цвет неба.

Вот и все, чем может похвалиться мирный наблюдатель Закубанья в настоящее время. Проникнуть дальше — и трудно, и опасно; положиться на слухи, на рассказы людей бывалых также бесполезно: слухи по большей части оказываются только слухами, а рассказы еще больше подстрекают любопытство, оставляя его далеко не удовлетворенным. Словом, наша кубанская граница представляет для туриста маленький рубеж и его собственной пытливости.

А между тем, думает он, как легко, кажется, пройти эту заманчивую равнину, как близко до этих рисующихся на горизонте гор, а там — перевал, и Черное море как рукой подать. Не верится ему, что эта-то заманчивая даль дает тысячи средств противиться движению наших отрядов, что каждый пригорок, каждый куст представляет естественную защиту для горца. Не в ауле его богатство: пусть жгут аул ежегодно, но богатство его там, где легко сделать засаду, где удобно подстеречь добычу. Не сила для него страшна, пока он может избегать ее безнаказанно: страшен стал бы для него лишь тот незаметаемый путь, который наконец могут проложить наши отряды в самое сердце Закубанья и на котором уже силе нужно будет противопоставить также силу. Но природа ежегодно затрудняет попытки проложения такого пути. Время идет, и длится неблагоприятная война, стоящая чисто труженических усилий. Скоро ли ей настанет желаемый конец? Скоро ли цивилизация проникнет в этот прекрасный уголок земного шара и даст науке непочатый еще материал, торговле — выгодную станцию, а нищету и грабеж заменит удобством жизни и благодатным миром? И что наконец, для достижения подобной цели, должно идти впереди: торговля или оружие? Эти вопросы тяготят наблюдателя своею долговременною неподвижностью.

Ограничимся пока тем, что доступно наблюдениям, что делается собственно на линии, идущей по Кубани. Правый берег этой реки большею частью обрывист, левый же — полог и покрыт болотами. В некоторых местах она собирается в одно русло, но чаще дробится на рукава, образуя островки и лиманы. С виду она не [93] слишком привлекательна; воды ее имеют мутный желтоватый цвет, течение ее быстро, как всех горных рек, хотя она не имеет их своеобразной красоты и бойкости. Во время разлива она напоминает полноводные реки равнин, а в засуху очень похожа на свою тощую степную соседку; Куму. Собственно, горные реки, даже речки, чрезвычайно привлекательны: это неумолкающие, неустоящие ручьи, но ручьи сильные. То сузятся они и режут аршинным своим руслом, то разольются на сажень по мелким гольшам, то хлещут в камни, попавшиеся им на пути, и гложут их, брызжа пеной; местами их неширокое русло еще более сузится на каменном ложе и, продолбив его, винтообразно падает вниз, оглушая окрестность; местами их чистые и не глубокие воды переливаются с уступа на уступ, образуя каскады. Правда, в них нет той величавости, какую отличаются реки равнин, спокойно катящие свои обильные волны; за то хорош их шум и привлекательна та бойкость, с которою они мчатся по выполированным ими же камням: глаз не успевает следить за бегом волны и не устаёт от однообразия, какое заметно в течении полноводных равнинных рек. Но Кубань, как уже сказано, не имеет такого привлекательного вида, быть может потому, что ложе ее глинисто и падение вод ее, относительно всей длины их течения, не слишком значительно. Несмотря на важное значение свое для здешнего края, она однако же не вошла в народную песню, не усвоила за собой, подобно Волге или Дону, никакого почетного прозвища. Без сомнения, значение ее состоит не в том, чтобы она богата была рыбою, что разливы ее поили бы роскошные луга, что волны ее носили бы на себе суда с богатым грузом: нет, рыболовство на ней незначительно, разливы ее поят камыши да болота, а судоходство по ней ограничивается плаванием немногих каюков, да изредка казенных баркасов. За то историческая деятельность Черноморцев тесно связывается с именем Кубани; на берегах ее воспитывались и воспитываются защитники

станци и хуторов; наконец, от положения вод ее зависит и теперь большее или меньшее спокойствие края. От поста Изрядного до Черного моря, сплошь по реке, тянется кордонная линия, по которой во всякое время года неусыпно должны бодрствовать черноморцы. Их скучная служба бедна громкими подвигами, потому что она вся — подвиг. Истинному труженику редко выпадает на долю общественное признание тяжелой деятельности, общественное сочувствие: только звучность дела пускает от себя звонкое эхо, к которому все прислушиваются. В самом деле, отнесут ли к блистательным военным подвигам эту тяжкую службу на линии, которой назначение — прислушиваться к тишине, вглядываться в темноту, не послышится ли шум камыша, всплеч волны, не повидится ли в темноте ночи что-нибудь еще [94] более темное, что даст повод предполагать о близком присутствии горца. Вот та школа, где образуются пластуны, обратившие на себя под Севастополем общее внимание. Уметь ползать по болотам, изучить все тропинки меж камышей, набить руку в стрельбе, так чтоб пуля всегда находила свою цель, чтобы верность прицела зависла не только от глаза, но и от слуха, спокойно переносить на себе и холод и поливку дождя, находить возможное удобство в грязи, под жалами тысячи болотных комаров, — и при этом все внимание обращать на то, чтоб как-нибудь в темноте не пробрался на ваш берег голодный и ободранный горец, который в свою очередь также не дремлет, также хорошо, если еще не лучше, знаком с поэзией кубанских болот, также не выпустит даром из ружья дорогой для него пули: согласитесь, что подобная служба есть не блестящий, однако чрезвычайно тяжелый подвиг. И пластун несет его с примерною любовью. Для более успешного выполнения своей службы, он оделся в лохмотье, выдумал особого рода обувь, чтоб удобнее ползать и ступать, чтоб при случае его не отличили от цвета грязи, чтоб как можно больше с виду походить на заклятого своего врага — «бисову невиру» (Обыкновенная брань в Черноморье, по преимущественно относящаяся к Черкесам), против которого направлена вся его, по видимому, апатичная, но на самом деле неугомонная деятельность. — Но пластуны составляют только передовую стражу линии: их преимущественно употребляют в дело там, где нужен зоркий глаз, чуткое ухо и знание прикубанских болот и камышей. Остальное лежит на обязанностях очередной стражи, которая занимает посты, расположенные не в дальнем друг от друга расстоянии по всей кубанской линии...

Текст воспроизведен по изданию: Черноморские письма // Русский вестник, № 3. 1857

© текст - Воронов Н. 1857

© сетевая версия - Thietmar. 2007

© OCR - Дудов М. 2007

© дизайн - Войтехович А. 2001

© Русский вестник. 1857

ВОРОНОВ Н.

ЧЕРНОМОРСКИЕ ПИСЬМА

(См. "Русский Вестник", 1857, № 3)

V

Сторожевой пост на берегу Кубани — это небольшой двор, обнесенный огорожею из терновника, с амбразурами для ружейной пальбы. На этом дворе находится две-три избы, в которых теснится караул, состоящий из сотни, а иногда, преимущественно зимою, и гораздо большего числа казаков; на подкрепление их посылаются иногда и регулярное войско. Но главная опора такого поста заключается в пушке большого калибра: звук ее особенно не нравится горцам, потому что он пробуждает тревогу по всей линии. Подле поста находится вышка, с которой караульный казак должен зорко следить в течение дня за всем, что делается подле него по Кубани и за Кубанью; обыкновенно глазам его представляется одна и та же местность, да по временам меняющееся небо, и только; тем не менее, однако, глаза его нужны для края, потому что от них прячется готовый на грабеж горец. На ночь караульный сходит с вышки, и надзор за линиею усиливается посредством залогов или секретов, которые бывают тем ближе друг к другу, чем удобнее время для переправы через Кубань.

Не берусь описывать обыденной жизни на постах, стоящих в поле, вдали от жилья: однообразная, бессемейная, бедная эпизодами и из военных случаев, подверженная различного рода лишениям и неудобствам, жизнь эта, повторяю, — подвиг непривлекательный, однако чрезвычайно нужный для края. Да и можно ли ожидать каких бы то ни было удобств в стране, которая, и мимо лагерной жизни, всюду кажет следы неряшества или бедности? Эта повсеместная бедность только делает ее более сносною, и легко [181] мирит черноморца с его тяжелою службой. Да и что наконец значат неудобства жилья, например, для пластуна, который сроднился с болотом? Помню, раз мне довелось ночевать на одном из постов; меня пригласили в избу, которая походила на грязный арсенал: всюду висели ружья, шашки, бурки; около стен стояли нары, покрытые соломой. Человек десять казаков, собравшись около котелка, черпали из него ложками какую-то похлебку, приправленную полевой горчицей. Я также зачерпнул, и нашел, что похлебка не без вкуса. Затем последовал ночлег; но — пресвятая Богородица! какова была эта ночь! Тысячи блох терзали меня непрерывно, не давая сомкнуть глаз. А казаки храпели как нельзя лучше, и на жалобы мои один из них сказал мне в следующее утро: «Та вже жь.... сего товару, благодарение Богу, у нас щей мало.» Вскочил я и на вышку, где в то время, погруженный в созерцание, на корточках восседал усатый черноморец. Что, тебе не скучно? спросил я. — «Мени? ответил он: ни... витсея богацько видно...» Я посмотрел вокруг себя: точно, степи много, а еще больше закубанской равнины, по которой сизел легкий туман. Но будто казаку нравится эта однообразная картина? И какие думы на нее он переносит? Прошлого он не помнит, о настоящем молчит, о будущем наверно не помышляет. Или просто хорошо ему оттого, что вот он сидит да смотрит вдаль, а даль эта и широка, и спокойна, в глаз ничем лишним не бьет, — и сидит он долго, греясь на солнце, да и сам уж не знает — не то он спит, не то бодрствует, но только в голове нет ни одной думы: вот словно превратился в того кузнечика, что немолчно звучит в траве и перестал уже быть кузнечиком, а весь, кажется, перелился в звук.... Подобный кейф в нравах малороссов, и черноморец — будь он на вышке или в другом каком либо месте — не упустит случая предаться ему с любовью. Тем более, что и здесь, на линии, не без присутствия того благодетельного гения, о котором остроумно упомянул г. Берг в своих «Крымских заметках» (Русс. Вестник № 24, 1856).

Около поста, по бокам, стоят шесты, осмоленные и обмотанные пенькой. Их зажигают ночью, когда нужно поднять тревогу на линии, потому что пушечные выстрелы, когда воздух сгущен парами, не разносятся на дальнее расстояние и могут быть не услышаны на соседних постах. По такому сигналу здесь и там, по всему берегу Кубани, начинают блистать молнии от пушечной пальбы; кордонная стража и жители прибрежных станиц мигом становятся на ноги и спешат на помощь, где ее требуют; в воздухе глухо отдается шум и крик пробужденного населения и содрогание от выстрелов. Такие тревоги преимущественно бывают зимою, когда замерзает Кубань. На эту пору горцы обыкновенно [182] бывают в сборе и готовы отправиться на добычу значительными партиями. В свою очередь и наши тогда не дремлют: усиливают стражу неочередными казаками; пушки держат всегда наготове; в станицах и в Екатеринодаре принимают меры на случай нападения: увеличивают число орудий, улицы заставляют возами, учащают секреты, разезды и т. п. Такое тревожное состояние особенно заметно перед рассветом, когда горцы, рассчитывая на сон стражи, а с другой стороны, успевши за ночь из аулов подойти к реке, готовы сделать нападение. По большей части им это не удается, по крайней мере успех их ограничивается самую бедною добычею: едва они успевают переправиться через Кубань, как линия уже гремит выстрелами, и отступление становится для них необходимым. Кроме того лазутчики или перебежчики из-за Кубани беспрестанно извещают наших о всех намерениях горского сборища, и если показания их относительно места и времени нападения не всегда справедливы, за то становится чрез них достоверным, что сборище действительно есть, что следовательно дремать не приходится.

Появление перебежчиков из-за Кубани несколько не удивительно, хотя у нас существуют какие-то рыцарские представления о горцах, благодаря повестям и поэмам фальшивого или риторического направления. Из этих повестей решительно нельзя познакомиться с горцем, каков он есть в действительности: в них ложно представлена и его храбрость, и его понятия о чести, о свободе и т. п. На самом деле, горец, особенно закубанский, есть нищий, в силу множества предрассудков, неразлучных с младенчеством племени, любящий свое нищенство и защищающей его упорно, благодаря особенностям своей страны. Грабеж для него составляет часто единственное средство прокормиться; отечества для него не существует; у него есть только аул, и в этом ауле — личные его враги. При таком домашнем положении горца нет ничего естественнее, как ждать перебежчика из-за Кубани. Он явится, получит что-нибудь за сообщенные известия, — и вот нищенство его несколько улучшается, а вместе с тем удовлетворилась его личная месть. Точно также несправедливо думать, что горец владеет тою храбростью, которая составляет силу и честь воина. Грабеж и убийство — его ремесло, а потому неудивительно, что он ловко владеет оружием; вместе с тем нищета побуждает его прибегать иногда к самым отчаянным средствам, рождает в нем слепую отвагу и роковую решимость. Далее этого не идет и не может идти его храбрость, следовательно, она имеет чисто хищнический характер. Большая часть рассказов, которые ходят здесь о горцах, вполне подтверждают такое мнение. Я приведу один из них. Раз невдалеке от поста появился горец и стал кружиться на одном месте: по нем последовал выстрел из [183] пушки. Горец отъехал по направлению выстрела и через несколько минут снова закружил на прежнем месте. Полетело другое ядро, и горец в другой раз скрылся по направлению выстрела. Наконец, когда в третий раз показался он перед постом, пластуны успели зайти ему в тыл и схватили живьем. На допросе пойманный показал, что, голодая, он просил пищи у одного зажиточного горца, и тот обещал ее под условием принести к нему русское ядро. Из-за него он и кружился перед постом, выманил два выстрела, да ядра затерялись где-то в болоте. Как ни наивен этот рассказ, однако он очень правдоподобен, а главное,

действительно характеризует причины, которые порождают в горце слепую отвагу, многими ошибочно принимаемую за храбрость.

Но если перебежчики доносят о том, что предпринимается в аулах, то в свою очередь аулы знают, что предпринимается на линии. Хитрый горец успеваает услужить и здесь, и там. Оттого всякий поход с нашей стороны за Кубань должен быть внезапным, иначе встретятся и засады, и сборища горцев, аулы ж останутся пустыми: все имущество из них успеют перенести в леса, куда нет доступа для отряда. Горцы знают также, где выгоднее и легче напасть, кто славится своим богатством; они даже дают обещания, что рано или поздно захватят такого и такого-то. Им известны некоторые русские выражения, известны многие наши обычаи. «Выходи, Иван, рубать будем», кричали они в одно из своих нападений, окруживши хату, в которой, действительно, жил Иван. Каждый из них, за жизнь свою, успел хоть раз побывать на нашем берегу, притом же рассказы пленных казаков, а особенно казачек, которых горцы, по преимуществу, увозят в плен, — все это знакомит их с нашим бытом. Однако из этого знакомства, пока, они извлекают только свои стратегические соображения, которые, без сомнения, не могут служить в нашу пользу. Они начинают уже искусственно укреплять свои жилища, и без того защищенные природой; так последний, ближайший к нам аул, который недавно разорен нашим отрядом, был обведен тройным частоколом.

Сколько упорны черкесы, когда им приходится действовать на собственной земле, столько же они оказываются несостоятельными во время нападений на наши поселения, даже мало приготовленные к обороне. Нужно сказать, что эти нападения в значительных силах случаются очень редко. Для этого необходимо, чтобы замерзла Кубань, которой быстрое течение не легко уступает здешним слабым морозам; необходимо выждать темных ночей и наконец, вслед за морозами, небольшого тепла, потому что пускаться на грабеж в студеную пору несподручно горцу, едва прикрытому лохмотьями дырявой одежды. Не говорю уже о том, как трудно [184] горцам порешить свои домашние распри, и составить согласное сборище, направленное к одной цели. Но положим, такое сборище состоялось, и погода благоприятствует нападению. На конях, ночью, спешат они к Кубани, перед рассветом достигают реки, спешиваются, при чем отряд делится на две части — одна остается с лошадьми, не переходя реки, опасаясь обломить тонкий лед, другая отправляется на добычу. Со страшным гиком бросается она к строениям; этому гикун вторят оставшиеся за рекой. С нашей стороны, без сомнения, тотчас поднялась запоздавшая тревога. Вот они успели вломиться в одну-другую избу, где не встретили ни малейшего сопротивления; какая-нибудь несчастная жертва служит игрушкой для шашечных ударов: ее рубят в куски... Но дружно напавшие успели скоро разрозниться, каждый из них думает только о себе, как бы захватить добычу на свою долю, как бы не уступить ее другому. А между тем на нашей стороне пушечные выстрелы учащаются, тревога уже образовала какой-нибудь отряд, и чуть только отряд этот столкнулся с частью грабителей, как они бегут в беспорядке, теряя всякое единство. Неистовый крик их еще более усиливается: оставшиеся за Кубанью, в резерве, думают этим ободрить бегущих, а эти в свою очередь укоряют тех, как изменников, и требуют подмоги. От быстрого напора толпы, лед на реке трещит, в некоторых местах проламывается... Будь при этом с нашей стороны решительное преследование, горцы дорого бы заплатились за свою скудную добычу; но только одни ядра провожают бегущих и вырывают из их нестройной толпы несколько жертв. Тревога наконец умолкает. На следующий день подбирают трупы, оставшиеся на пути, и потом горцы отдают за них награбленную добычу.

Такого рода нападения постигали Екатеринодар зимой 1855 года. Город не был к ним приготовлен; однако и при этом, несмотря на общее замешательство, грабеж коснулся только самых незначительных частей его, близких к Кубани; без сомнения, причина этого

лежит в несостоятельности нападавших действовать вне собственной, благоприятствующей им местности. Большое счастье, что, при таких мгновенных набегах, они не поджигают строений; пожар был бы гораздо страшнее их воинственного гиканья. Но отчасти религиозные обычаи, отчасти собственные выгоды заставляют их щадить строения, которые, при случае, могут снова доставить им добычу.

Если трудно горцам перебираться на наш берег в значительных силах, то легко перебираться по одиночке, или же небольшою партией. В таком случае, они не имеют в виду напасть открыто, а действуют чисто воровски, думая захватить гденибудь корову, или пару быков, или же застигнутого ночью пешехода. При этом [185] иногда они успевают добраться до какого-нибудь уединенного хуторка, близкого к Кубани; и там только осмеливаются врваться в избы. Но лишь одна незащищенность венчает подобный грабеж успехом: где есть ружья, где может быть отпор, — туда они не покажутся открыто. С рассветом они возвращаются к Кубани; тут, при утреннем освещении, кордонная стража замечает их и открывает по ним огонь, иногда заставляет расстаться с награбленным и налегке спастись вплавь; случается и так, что увидят, как хищники уже переправились через реку и уводят быка или корову. Вообще, имея в виду чем-нибудь попользоваться, горцы не рискуют своею жизнью, даже в таких случаях, когда перевес силы на их стороне. Оттого, например, проезжий, имея с собою ружье, хотя бы и не заряженное, может спастись от их преследования, если станет грозить им прицелом; оттого случалось, что, при разграблении станиц, неприкосновенными оставались те избы, где кто-нибудь заседал с ружьем. Раз в центре нашей Кавказской линии последовало нападение на одну из пограничных станиц, в то самое время, когда все взрослое станичное население было на полевых работах. Черкесы разорили все избы, забрали в плен кого нашли, и не коснулись только одной хижины, где жил ружейный мастер, у которого на тот раз не было в починке ни одного ружья, и лишь в разбитое окно выглядывал никуда негодный ружейный ствол.

Но я, кажется, слишком распространился о подвигах закубанцев. Это произошло оттого, что в настоящее время, когда я писал и пишу эти строки, в Екатеринодаре нельзя не думать о нападениях. Ноябрь, декабрь и почти весь январь здесь стояло тепло, как весною; даже дожди перепали редко, а чаще грело отрадное солнце. В поле зеленела трава, деревья приготовились распускаться, а перед окнами моей квартиры, на грядках, постоянно цвели анютины глазки. Зимой глядеть на них не то что весело, а как-то забавно. Но к исходу января подул северо-восточный ветер, принес, как водится, морозы, так что земля затвердела, взялась белым пухом, а Кубань сперва загусила льдом, и наконец стала. Все это не дурно: без зимы год не в год, притом же не мешает запастись и льдом на знойное лето. Однако еще больше не мешает заботиться о собственном существовании. Кубань так близка, а горцы так злы; они, без сомнения, не забыли, что не далее месяца один из их прикубанских аулов был сожжен нашим отрядом... И вот поневоле говоришь о нападениях; поневоле думаешь о них, видя, что подле постов появились подкрепления, что в переулке явилась пушка, где прежде ее не бывало. — Но

Есть наслаждения и в дикости лесов...

Текст воспроизведен по изданию: Черноморские письма // Русский вестник, № 3. 1857

© текст - Воронов Н. 1857

© сетевая версия - Thietmar. 2007

© OCR - Дудов М. 2007

© дизайн - Войтехович А. 2001

© Русский вестник. 1857